

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 930.2:94(470)"16/17"

**Термин «колонизация» в отечественной историографии:
проблемы восприятия и идентификаций**

Никитин Н.И.¹

Аннотация. В статье рассматривается практика использования термина «колонизация» с XIX века до наших дней, анализируются различные мнения по этому вопросу. Автор выступает против отказа от традиционного для отечественной историографии толкования слова «колонизация» и его необоснованной политизации.

Ключевые слова: Север, Урал, Сибирь, заселение, освоение, колонизация, колония, историография, политизация.

**The term "colonization" in Russian historiography:
problems of perception and identification**

Nikitin N.I.¹

Abstract. The article discusses the practice of using the term "colonization" from the nineteenth century to the present day, examines the different views on this issue. The author argues against rejection of traditional to Russian historiography of the interpretation of the word "colonization" and its unfounded politicization.

Keywords: the North, the Urals, Siberia, colonization, exploration, colonization, colony, historiography, politicization.

¹*Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117036, г. Москва, Российская Федерация.*

Nikitin Nikolai Ivanovich. Candidate of Science (History), a leading researcher at the Institute of Russian History RAS. Dmitria Ulyanova str. 19, 117036, Moscow, Russian Federation.

E-mail: nikitin.46@mail.ru

© **Н.И. НИКИТИН**

Как установил венгерский историк-русист Шандор Сили, слово «колонизация» появилось в русском языке в середине XIX века, представляя собой «заимствование из латыни через французский». В рецензиях столичных журналов на иностранные труды о колониях этот термин обозначал поселение выходцев из западноевропейских стран в какой-нибудь их «заморской провинции» и ее хозяйственное (почти исключительно земледельческое) освоение. Известный журналист, географ и историк П.И. Небольсин в 1849 г. употребил выражение «система колонизации» – в связи с правительственными мерами по переселению крестьян за Урал. А в словарях иностранных слов, вошедших в русский язык, «колонизация» появляется только в 1862 г. и трактуется как «заселение какой либо страны». Широкое распространение в русской литературе это слово получило благодаря трудам С.М. Соловьева, впервые употребившего его в 1851 г. [35, С. 150; 15, С. 132].

В дальнейшем значение термина несколько расширилось, но в целом оставалось в очерченных Соловьевым и его современниками рамках, означая *процесс заселения и хозяйственного освоения пустующих или слабозаселенных земель в ходе миграций*. Во второй половине XIX – начале XX вв. российские историки утвердились во мнении, что колонизация – неотъемлемая и важнейшая часть истории нашей страны с древнейших времен, оказавшая мощное воздействие на ее социально-политическое и культурное развитие, что «русская история есть в сущности история непрерывно колонизирующейся страны» (история «страны, которая колонизируется»), что колонизация является «основным фактом русской истории», а «периоды русской истории – главные

моменты колонизации». Именно так полагали крупнейшие представители дореволюционной историографии – С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.К. Любавский [39, С 631; 11, С. 50; 14, С. 73].

В советской историографии понятие «колонизация» воспринималось и трактовалось уже не столь однозначно. Большинство исследователей отечественной истории не только «старой школы» (наиболее ярко представленной трудами С.В. Бахрушина), но и «новой генерации» (В.И. Шунков, Н.В. Устюгов, Ф.Г. Сафронов, А.А. Преображенский, А.А. Кондрашенков) по-прежнему относились к этому термину нейтрально, обозначая им широкий спектр явлений, касающихся занятия, заселения и освоения новых земель как мирными, так и насильственными, как экономическими, так и политическими методами, и выдвигая на первый план хозяйственный аспект [24, С. 164]. Именно в таком значении слово «колонизация» употреблялось (и выносилось в заголовки) в их работах, выходивших вплоть до 1960-х гг. и посвященных истории Русского Севера, Урала и Сибири XVI–XVIII вв. [2; 4; 45; 23; 30; 41; 13].

Однако в советской литературе, посвященной новой и новейшей истории *зарубежных* стран термин «колонизация» обычно приобретал уже идеологизированный, негативный оттенок, ибо его рассматривали в одном ряду с понятиями «колониализм», «колониальные войны» и потому трактовали как «захват чужой страны и превращение ее в колонию». А основное значение слова «колония» в справочных изданиях преподносилось так: «область или страна, захваченная, подчиненная и эксплуатируемая более сильным империалистическим государством (метрополией)» [36, С. 566]; «область или страна, захваченная империалистическим государством с целью получения сверхприбылей путем ввоза в нее капиталов и товаров, использования ее источников сырья и беспощадного экономического, политического и национального угнетения населения» [40, С. 1408]. Как следствие этого и многие специалисты по отечественной истории и особенно редакторы издательств начали, где можно (и даже где нельзя) заменять ставший «неудобным» из-за своей «неоднозначности» термин на, как им казалось, такие же по смыслу, но не «одиозные» – «освоение», «заселение», «миграция». Историки «старой школы» порой пытались (пусть и робко) противиться

этой тенденции. Так, классик нашего сибиреведения С.В. Бахрушин в 1948 г. разъяснял присутствовавшим на 1-й Научной сессии Якутской научно-исследовательской Базы АН СССР: «Очень часто понятие колонизации смешивают с понятием колонизаторов. Это неправильно. Колонизация означает заселение в узком смысле крестьянами, в широком смысле – заселение вообще иноземной территории» [3, С. 270]. Но к 1970-м годам стремление историков-сибиреведов избегать слова «колонизация» стало приобретать повальный характер (чему особенно наглядным примером может служить монография Н.Г. Аполловой о «хозяйственном освоении» Прииртышья, вышедшая в 1976 г.) [1].

Нарушение историографической традиции, уступки перестраховщикам и просто малограмотным людям не пошли на пользу науке, ибо ни один из терминов-«заменителей» не мог охватить того многообразия процессов и явлений, которые представлены ёмким словом «колонизация». Уже на уровне этимологии ясна его неразрывная связь, как с заселением новых земель, так и с их возделыванием и хозяйственным преобразованием [10, С. 15]. История и современность знают примеры хозяйственного освоения без заселения, заселения без хозяйственного освоения, а миграциями сплошь и рядом называют простые перемещения людских масс, далеко не всегда сопровождаемые прочным заселением и освоением новых территорий. Отказ от термина «колонизация» порождает, кроме того, немало проблем стилистического характера: и из-за наложения друг на друга созвучных слов (заселение, поселение, население, переселение и т.д.), и, что более важно, из-за невозможности без развернутых пояснений найти замену таким понятиям, как «правительственная колонизация», «монастырская колонизация» и т.п.

Столь абсурдное положение не могло сохраняться долго, и к исходу XX столетия в научной литературе вполне закономерно опять стало превалировать традиционное для отечественной историографии значение слова «колонизация», что, конечно, не исключало ни рецидивов прежних «идеологизированных» подходов к этому термину, ни появления новых, «альтернативных» определений и понятий, впрочем, как правило, достаточно нейтральных – «фронтир», «движение фронтиров» и т.п. (об использовании этих терминов в нашей историографии см: [43, С. 6–7; 34, С. 41–42; 29, С. 476–477; 42]).

Знаменательным событием в отечественной историографии стал выход в свет в 1996 г. капитальной монографии М.К. Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века». Одно лишь сохранение авторского название этого весьма объемного (около 40 п.л.) труда, написанного еще на рубеже 1920-х и 1930-х гг., могло восприниматься как окончательная «реабилитация» термина «колонизация» и признание правомерности его использования для освещения истории заселения и освоения русским народом громадных пространств Евразии. Тем не менее, в откликах на эту публикацию их авторы считали необходимым («на всякий случай») давать дополнительные терминологические разъяснения. Вот, например, как они выглядели в рецензии В.Е. Семенкова и М.В. Рабжаевой: «Необходимо отметить, что термин “колонизация”, который употребляет М.К. Любавский, не имел того негативного оттенка, который был привнесен в научный оборот несколько позже, вместе с распространением марксистского термина “империалистическая” (читай – грабительская, эксплуататорская) колонизация. Матвей Кузьмич употребляет термин “колонизация” в значении “расселение, освоение территорий”... Колонизация для М.К. Любавского – это процесс не завоевания, захвата новых земель, а процесс присоединения, хозяйственного освоения» [33, С. 163]. А.А. Преображенский в своей рецензии тоже отмечал, что «в дореволюционной науке понятие “колонизация” не воспринималось как нечто одиозное. Под ней разумели достаточно широкий спектр явлений, относящихся к занятию и заселению новых земель...» [24, С. 164].

Наверное, такие пояснения были не лишними. К тому времени многие уже действительно не знали о традиционном для отечественной историографии значении слова «колонизация» (закономерный результат редакционной политики советских издательств!). Ведь в те же 1990-е гг. в работах по истории Русского Севера, можно было, например, натолкнуться на такие перлы: «Мы говорим “освоение” потому, что язык не поворачивается назвать “колонизацией” то благодатное влияние, которое оказало проникновение русских ростовских, суздальских, ярославских, костромских и прочих людей на развитие всех видов хозяйствования на новых землях... Исторические источники не сохранили нам сведений о

каких-либо серьезных столкновениях пришельцев с местным населением...» [32, С. 25].

Однако в целом для исследователей в то время была характерна «деполитизация» термина «колонизация», что, правда, не свидетельствовало о достижении ими единства в подходах к освещению связанным с ним вопросов. А некоторые авторы оказались просто не в ладах с историографией, и лишь плохим ее знанием можно, в частности, объяснить выпад в мой адрес омских историков А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой. Они причисли и меня к традиционным противникам употребления слова «колонизация» для обозначения миграционных процессов и заявили, будто я лишь совсем недавно изменил свои взгляды и теперь уже осуждаю позицию бывших единомышленников – советских историков-«перестраховщиков» [6, С. 36; 25, С. 49]. Между тем, начиная с автореферата кандидатской диссертации (1975 г.) в моих работах постоянно присутствует слово «колонизация» – и только в значении «заселение и освоение пустующих и окраинных земель» (о чем, по настоянию редакторов, порой даже приходилось давать в примечаниях соответствующие разъяснения), поскольку я всегда был и остаюсь принципиальным сторонником использования этого термина в его традиционном для отечественной историографии значении [16, С. 5–9, 34, 37; 17, С. 162–173; 21, С. 3; 22, С. 7–15; 19, С. 3; 20].

В современной литературе можно встретить расхождения авторов и в трактовках того, какие виды деятельности являются «признаком колонизации». Например, М.Ю. Зенченко сводит их лишь к «преобразующей деятельности» и не считает колонизацией промысловое освоение новых земель [9, С. 14–15, 72–73], с чем, конечно же, трудно согласиться. А.В. Головнев, напротив, неоправданно расширяет это понятие и по сути дела отождествляет с колонизацией простую миграцию [7, С. 4, 14] (критику такого подхода см. [10, С. 17]). Но вместе с тем, он совершенно справедливо полагает, что ситуаций, когда употребление слова «колонизация» «не только удобно, но и эффективно» слишком много, чтобы от него отказываться, и призывает коллег разделять «колонизацию» и «колониализм» [8, С. 9–10], с чем, однако, согласны тоже далеко не все современные исследователи.

Некоторым из них свойственно стремление к искусственному усложнению вопроса, а в итоге – к сближению с позицией, типичной для историографии «периода застоя». Так, П.Ю. Черносвитов выступает за четкое разграничение понятий «освоение» и «колонизация», поскольку, по его мнению, при «освоении» новой территории пришлое население «живет за счет тех энергоресурсов, которыми эта территория обладает, строя свое хозяйство так, чтобы эти ресурсы не перерасходовать», а «колонизация» – «это такой процесс, при котором вселяющееся на новую территорию население использует ее энергоресурсы не столько для самоснабжения, сколько для снабжения ими своей исходной территории обитания», причем «без эквивалентного восполнения этого ресурса» (что, как пишет П.Ю. Черносвитов, приводит к губительным последствиям не только для аборигенов, но и для переселенцев и даже для самой метрополии) [44, С. 123–124, 140–141]. То есть по сути дела нам опять предлагается отождествление «колонизации» и «колониализма»...

Это предложение не осталось незамеченным. Е.В. Вершинин, хоть и назвал концепцию П.Ю. Черносвитова «интересной», но отверг возможность ее безоговорочного применения ко всем регионам Сибири, да и трактовку Черносвитовым понятия «колониальная система» охарактеризовал как «упрощенную», поскольку система эта «помимо явной или скрытой перекачки ресурсов в метрополию базируется на политической, этнической (расовой), культурной и конфессиональной дискриминации аборигенного населения», что «на уровне государственной политики» в Сибири не просматривается (и разительно контрастирует с отношением европейцев к аборигенам на Американском континенте в ту же эпоху). А свое понимание «колонизации» Е.В. Вершинин сформулировал следующим образом: это «процесс утверждения на некой территории нового населения, которое как часть исходного этноса транслирует вместе с собой государственность и привычные культурные типы. Колонизация как длительный и многогранный процесс включает в себя и присоединение (начальный этап), и хозяйственное освоение, и интеграцию, находящую выражение в межэтнических контактах, культурном взаимообмене и религиозном симбиозе». Отдельно Е.В. Вершинин рассматривается «ранняя колонизация», и ей дается такое определение: «это присоединение новых

территорий, сопровождаемое созданием анклавов колонистов в автохтонной среде и начальной деятельностью по хозяйственному освоению этих территорий» [5, С. 34–35, 37].

Что ж, формулировки, может быть, излишне детальные и потому громоздкие, но в своей сути, несомненно, верные, ибо полностью соответствуют тому, что известно о характере связанных с ними процессов благодаря трудам нескольких поколений высококвалифицированных специалистов по истории Русского Севера, Урала и Сибири – таких, как М.К. Любавский, С.В. Бахрушин, В.И. Шунков, Н.В. Устюгов, А.Д. Колесников, П.А. Колесников, В.А. Оборин, В.А. Александров, А.А. Преображенский, А.И. Копанев, Н.Ф. Емельянов, М.М. Громыко, Н.А. Миненко... И напротив, труды эти не дают оснований для того, чтобы применительно к посвященным им регионам практиковалось отождествление понятий «колонизация» и «колониализм».

Сторонников такого отождествления сравнительно немного, но они довольно активны, поскольку, как правило, политически ангажированы, так что позицию их далеко не всегда можно объяснить элементарным невежеством или слабым представлением о «предмете дискуссии». Об опыте общения с ними мне, помнится, рассказывал мой покойный учитель – А.А. Преображенский. Корни их воззрений он видел прежде всего в желании представить окраины России «угнетенными колониями» (такими же, как колонии западноевропейских государств) и в стремлении, не мудрствуя лукаво, записать в свои единомышленники тех видных историков, которые употребляли в отношении окраин слово «колонизация». В ответ на объяснения истинного значения этого термина в работах того же С.В. Бахрушина или В.И. Шункова, как вспоминал А.А. Преображенский, его собеседники «делали удивленные глаза, словно впервые об этом услышали», во что, конечно, было крайне трудно поверить...

Среди современных исследователей встречаются, разумеется, и те, кто, пытаясь доказать «типично колониальный» статус того или иного региона, использует более развернутую аргументацию. Например, А.В. Козулин рассматривая Сибирь в составе Российской империи как «полноценную» колонию («и в политическом, и в экономическом смысле»), указывает на целый ряд отличий в жизни населения этого региона от центральных областей страны [12]. Однако он

не смог опровергнуть главного аргумента сторонников противоположной точки зрения (и сам же подтвердил его): особого режима управления Сибирью не существовало, и ее административный статус был идентичен административному статусу губерний Европейской России. Уже одно это не позволяло считать Северную Азию колонией в полном (социально-политическом) значении слова, несмотря на всю специфику ее положения. Не случайно, известный полярный исследователь Фритьоф Нансен, бывавший на рубеже XIX и XX вв. и в Европейской, и в Азиатской России и имевший таким образом возможность сравнивать их, заметил, что Сибирь представляет собой «в сущности естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины...» [34, С. 18].

Впрочем, подробное освещение этого вопроса уже выходит за рамки нашей статьи; желающие более предметно ознакомиться с ним могут обратиться к соответствующей литературе [26, С. 853; 28, С. 430–435; 18, С. 6–12].

При всех рецидивах «осторожного» отношения к слову «колонизация», при все еще имеющих место случаях его неприятия или превратного толкования, тенденция к возвращению в наш обиход этого термина в традиционном для отечественной историографии понимании становится определяющей, что не может не радовать. Именно в этом значении оно теперь порой упоминается даже в школьных учебниках [31, С. 13], а в справочных изданиях конца XX – начала XXI вв. его не политизированное определение является либо основным, будучи обозначенным на первом месте [37, С. 242], либо – единственным. Так, еще «Советский энциклопедический словарь» издания 1981 г. определял колонизацию лишь как «заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель страны («внутренняя колонизация»), а также основание поселений за ее пределами («внешняя колонизация»)». Практически в неизменном виде это определение перенесено и в «Российский энциклопедический словарь», изданный в 2001 г. Более спокойно, без идеологизации и политизации толкуется в этих изданиях и основное значение слова «колония»: «страна или территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишенная политической и экономической

самостоятельности и управляемая на основе специального режима» [38, С. 610; 27, С. 709].

Конечно, практика использования термина «колонизация» еще требует некоторых доработок и уточнений. Например, по мнению автора этих строк, надо различать хозяйственное освоение территорий в процессе массовых миграций и хозяйственное развитие тех же территорий в дальнейшем, когда оно уже не было связано с притоком населения извне. Стало быть, если речь идет о колонизации, то мы должны иметь в виду не просто хозяйственную жизнь на новых землях, а преимущественно начальную стадию их экономического развития, как бы порой ни трудно было выделить ее, а также изменения в жизненном укладе «старых» регионов, связанные с новыми переселенческими потоками. Хотелось бы надеяться, что окончательная и общепринятая дефиниция этого понятия – дело не слишком далекого будущего.

Список литературы и источников

1. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 371 с.
2. Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2. С. 18–83.
3. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 3. Ч. 2. 299 с.
4. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Издательство Сабашниковых, 1927. 199 с.
5. Вершинин Е.В. Ранняя колонизация Сибири в компаративном аспекте // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2009. № 3. Вып. 2. С. 33–38.
6. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, Оттиск, 2011. 624 с.
7. Головнев А.В. Колонизация в антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 4–14.
8. Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

9. Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М.: Памятники исторической мысли, 2008. 223 с.
10. Зубков К.И. Колонизация как фактор социально-исторического развития // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 15–24.
11. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 432 с.
12. Козулин А.В. Была ли Сибирь колонией Российской империи? // Преподавание истории в школе. 2011. № 8. С. 16–18.
13. Кондрашенков А.А. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв. // Ученые записки Курганского педагогического института. Курган, 1964. Вып. 6. С. 3–93.
14. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996. 688 с.
15. Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб.: Русская симфония, 2008. 344 с.
16. Никитин Н.И. Военно-служилые люди Западной Сибири XVII в. (Из истории классово-сословного строя позднефеодальной России). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1975. 39 с.
17. Никитин Н.И. Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке // История СССР. 1980. № 2. С. 161–173.
18. Никитин Н.И. О межэтнических отношениях в Сибири в ходе русской колонизации (XVII–XIX вв.) // Национальный вопрос в истории России. М.: АИРО-XXI. 2015. С. 6–19.
19. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. 144 с.
20. Никитин Н.И. Проблема соотношения вольнонародной и правительственной колонизаций Сибири конца XVI – начала XVIII веков в дореволюционной и советской историографии // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск: Издание ОмГУ, 1990. С. 6–16.
21. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. 176 с.
22. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука СО, 1988. 255 с.

23. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М.: Издательство АН СССР, 1956. 302 с.
24. Преображенский А.А. Рецензия на книгу М.К. Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 164–167.
25. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
26. Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 880 с.
27. Российский энциклопедический словарь. В 2 кн. Под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. Кн. 1. 1023 с.
28. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М.: РОССПЭН, 2012. 462 с.
29. Русские в Евразии XVII – XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде. М.: Гриф и К, 2008. 480 с.
30. Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илама в XVII веке. Якутск: Книжное издательство, 1956. 210 с.
31. Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России с древнейших времен до конца XVII века: Учебник для 10 кл. общеобразовательных учреждений. М., Просвещение, 1995. 336 с.
32. Свистунов М.А., Трошкин Л.Л. Междуречье: Очерки и документы местной истории (1137–1990 гг.) Вологда: [Изд-во «Полиграфист»], 1993. 304 с.
33. Семенов В.Е., Рабжаева М.В. История российской колонизации. Рецензия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 163–168.
34. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
35. Сили Ш. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М.Соловьева // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 150–154.

36. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. Под ред. Т.М. Капельзона. М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия», 1933. 1507 с.

37. Словарь иностранных слов. 19-е изд. М.: Русский язык, 1990. 624 с.

38. Советский энциклопедический словарь. Под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.

39. Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1988. Кн. II. 765 с.

40. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. Т.1. 1565 с.

41. Устюгов Н.В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и дальнего Востока. Новосибирск: Издательство СО АН СССР, 1961. С. 67–74.

42. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Томск: Томский государственный университет, 2008. 31 с.

43. Чернавская В.Н. Восточный «фронт» России XVII – начала XVIII века: Историко-историографические очерки. Владивосток, Дальнаука, 2003. 176 с.

44. Черноуситов П.Ю. Русская колонизация Севера: становление и разрушение «генофондов культуры» // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток: ДВО РАН, 1992. [Т. 1]. С. 123–142.

45. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.;Л.: Издательство АН СССР, 1946. 228 с.